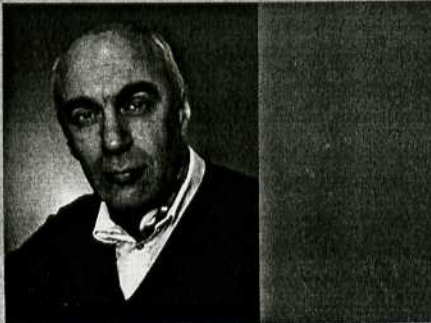

Патриот – это звучит... постыдно!

В общественном сознании достаточно распространены мифологизированные представления, которые заведомо считаются священными. Один из таких мифов связан с комплексом понятий «родина», «отечество», «патриотизм».

Интернационализм в принципе не противоречит национальным интересам. Можно неумолимо работать на благо страны, но это несовместимо с готовностью поддерживать родную страну там, где ее интересы приходят в противоречие с интересами демократии и прав человека.

Виктор Воронков,
директор Центра независимых
социологических исследований

Сегодня в России практически все стороны, участвующие в политическом процессе, даже расходясь по всем позициям, дружно заверяют о своем безусловном патриотизме. Здесь споры могут идти лишь о том, кто из противников «патриотичнее». Могут возникать разногласия по поводу тех или иных нюансов патриотических чувств. Однако святость слова «родина» признают все — от ультракоммунистов до крайних либералов, а уж государственная идеология, формулируемая лично президентом, объявляет это понятие своим краеугольным камнем. Обвинения в непатриотизме считаются серьезными и вынуждают оправдываться.

Сегодняшняя патриотическая истерия неизбежно заставляет разобраться в этом, казалось бы, ясном, имеющем исключительно позитивный смысл понятии «патриотизм». Так ли уж несомненны патриотические лозунги для тех, кто правее президента, для демократов, пытающихся безуспешно эти лозунги перехватить?

Сталинская идеология оставила нам тяжелое наследство в виде огромного числа понятий, насквозь мифологизированных, объединяющих под одним именем различные — вплоть до противоположных — явления. Мы привычно оперируем этими понятиями, что делает принципиально неразрешимыми многие обществоведческие проблемы. Попробуем здесь прояснить, что стоит за «очевидной» простотой таких связанных между собой понятий, как

«патриотизм», «космополитизм», «национализм», «интернационализм».

Анализируемые понятия входят в блок политических символов и несут прагматическую функцию. Они имеют эмоциональную и оценочную окраску и являются инструментом идеологического манипулирования. Созданные политической элитой, эти символы служат формированию определенной политической психологии в целях оправдания и обеспечения поддержки конкретной политики.

Мы давно уже, слава богу, не считаем космополитизм «реакционной буржуазной идеологией». Здесь важно подчеркнуть, что разведение понятий «космополитизм» и «интернационализм» в общественном сознании произошло относительно недавно, а прямо противоположными они стали считаться лишь в ходе известной кампании по борьбе с космополитизмом полувековой давности. До того понятие «космополит» всегда употреблялось в том же значении, что и «интернационалист», то есть «свободный от национальной ограниченности и национальных предрассудков». Противоположная ценностная окраска космополитизму и интернационализму была придана в интересах упрочения идеологии сталинизма.

Если интернационализм и космополитизм суть синонимы, то и противоположные им понятия «национализм» и «патриотизм» тоже при некоторых уточнениях оказываются синонимами. Один из ведущих специали-

стов в области социальной антропологии профессор Кембриджского университета Эрнст Геллнер подчеркивал, что слово «национализм» он употребляет совершенно нейтрально, не делая при этом различий между понятиями «патриот», «националист», «шовинист». Как заметил Фазиль Искандер, раньше «не было слова «национализм», а было слово «патриотизм», практически сниженное».

Однако до сих пор эмоциональное значение символов сохраняется вопреки тождеству понятий. В этом смысле показательно высказывание такого тонкого знатока русского языка и культуры вообще, как академик Дмитрий Лихачев: «Мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм». Однако когда он попытался сделать это «по-настоящему», то не ушел далее привычного: патриотизм был определен как добро, а национализм как зло. Языком Лихачева говорит в данном случае эпоха, а его непоследовательность — следствие свойственных этой эпохе идеологических стереотипов.

В международной политической терминологии «национализм» означает просто патриотизм по отношению к своей стране. И понятно поэтому, что негодование писателя В. Распути-

на («Почему в последнее время стало возможным патриотизм называть национализмом, а национализм прикрывать патриотизмом?!»), понимает он это или нет, неизбежно направлено на сталинизм, разведший также и эти понятия и придавший им противоположную ценностную окраску. Может быть, стоит деконструировать наконец те губительные мифы, которые прочно укоренились в нашем сознании?!

Сегодняшняя патриотическая истерия неизбежно заставляет разобраться в этом, казалось бы, ясном, имеющем исключительно позитивный смысл понятии «патриотизм».

Выше я кратко попытался прояснить соотношение четырех понятий-символов, широко применявшихся при построении советской идеологии и так находчиво заимствованных сегодняшней властью у русских националистов начала 1990-х годов. Но теперь встает вопрос анализа позиций, которые стоят за интернационализмом-космополитизмом, с одной стороны, и национализмом-патриотизмом — с другой — за отождествлением и разведением этих понятий. Создание указанных бинарных оппозиций послужило в советской истории смене идеологии (интернационализма на национал-шовинизм)

и соответствующей политики. Чтобы лучше понять, что стоит за той или иной идеей, полезно посмотреть на ее генезис и историю развития.

Еще Карл Маркс в свое время показал, что по мере становления мирового рынка развивается космополитизм товаровладельцев «как вера практического разума в противоположность традиционным религиозным, национальным и прочим предрассудкам, кото-

рые затрудняют обмен веществ среди человечества». В этом смысле и пролетарий, как владелец товара «рабочая сила», является таким же космополитом, как и крупный буржуа. Из трех важнейших классов капиталистического общества только крестьянство, наиболее отягощенное докапиталистическими пережитками, стоит на принципиально противоположной позиции. Таким образом формируется противоречие: с одной стороны, интернациональная крупная буржуазия и интернациональный пролетариат, а с другой — патриотическая мелкая буржуазия (крестьянство).

НАДЕЖНЫЕ КОРПОРАТИВНЫЕ СЕРВЕРЫ И СИСТЕМЫ ХРАНЕНИЯ ДАННЫХ

Успешность бизнеса во многом зависит от надежности системы, которой доверяешь информацию
Простой или потеря данных влечёт значительные убытки
Не экономьте на сервере или системе хранения
Доверьте работу профессионалам

TRINITY
Advanced Servers & Storage Solutions

(812) 327-5960, (095) 232-9230, www.trinitygroup.ru

ТРИНИТИ - по рейтингу департамента консалтинга РБК, двенадцатое место в TOP100 Российских компьютерных компаний

Понятно, почему чувство патриотизма так характерно для крестьян. В силу особенностей традиционного общества и сельскохозяйственного производства крестьянин сравнительно менее подвижен («без земледелия нет любви к Отечеству»), слабо связан с другими народами, мир его ограничен часто крестьянской общиной. Лев Толстой называл патриотизм рабством, скорее всего, именно потому, что крестьянский патриотизм фактически идеализировал, освящал рабскую зависимость крестьянина от общинных отношений.

Патриотизм — категория историческая, отнюдь не вечная. Для древних понятия патриотизма в современном смысле не существовало. *Ubi bene, ibi patria* (где хорошо, там и родина). Или: «Весь мир — отечество для благородного мужа» (Еврипид). Прежде человек обязан был соблюдать лояльность не к национальному государству, а к политической организации или идеологической общности, такой как племя или клан, город-государство или феодальный союз, династическое государство, церковь или религиозная группа. Национальный признак существенного значения не имел.

Возникшая в Англии XVII века национально-патриотическая идея отражала становление капитализма

Возникшая в Англии XVII века национально-патриотическая идея отражала становление капитализма в борьбе с феодальными пережитками.

в борьбе с феодальными пережитками. Подлинное рождение этой идеи в современном смысле следует отождествить с рождением французской нации в 1789 году, когда впервые в истории были сметены все географические и классовые барьеры и достигнуто национальное единство. Во всех общинах Франции были воздвигнуты «алтари Отечеству» с надписью «Гражданин родится, живет и умирает во имя Отечества», куда стекались люди с пением патриотических песен. (Интересно, что в наименее развитых про-

винциях Франции (Вандее) идея нации долго не прививалась. Там еще в 1799 году можно было найти немало «честных малых», которые во время мессы искренне пели рефрен «Боже, разрушь нацию»).

Нужно при этом отличать британский, американский, французский национализм, который был направлен на создание либерального и рационально-

В международной политической терминологии «национализм» означает просто патриотизм по отношению к своей стране.

го сообщества граждан, на обеспечение гражданских прав в духе философии Джона Локка. А национализм феодальных наций (в частности, российской) возник как реакция на эти процессы и носил заведомо реакционный характер.

Для России патриотический всплеск совпал с Отечественной войной 1812 года, когда по инициативе Карамзина было прославлено и идеализировано российское прошлое, в результате чего возникло представление, что право-

славный россиянин — самый совершенный человек на земле. К тому времени идея служения Отечеству насчитывала в России около столетия. Феофан Прокопович, стремясь приспособить русский абсолютизм к концепциям общественного договора, разработанным в трудах западноевропейских мыслителей, отделил понятие «государство» от понятия «государь». «Иерархия, существовавшая в русской средневековой идее государства: царь служит Богу — народ служит царю, сменилась новым соотношением:

и царь, и подданные служат Отечеству, общему благу государства». Так что, вопреки распространенному мнению, российский патриотизм — явление достаточно недавнее.

Идущая от Великой французской революции патриотическая идея была прогрессивна до тех пор, пока лежала в основе борьбы с реакцией всей Европы, борьбы с феодализмом. Однако капитализм, вызвавший к жизни идею отечества, по мере своего развития ее же расшатывал, стремясь выйти за пределы этого отечества. Плеханов в работе «Патриотизм и социализм» писал: «Отечество есть категория историческая, то есть преходящая по своему существу. Как идея племени сменилась идеей отечества, сначала ограниченного пределами городской общины, а потом расширившегося до нынешних национальных пределов, так идея отечества должна отступить перед несравненно более широкой идеей человечества».

В 1920-е годы в идеологии большевиков господствовал интернационализм, который стал не только теорией, но и практикой строящегося социализма. Создавались благоприятные условия для развития всех народов. Во многих городах страны национальные меньшинства имели возможность выпускать свои газеты, создавать свои школы и культурные учреждения. Гимном страны стал «Интернационал». Инструментом внешней политики — Коминтерн. Такое же название носил первая программа радио. Слова «патриот», «родина» имели негативную окраску и не употреблялись. Правда, уж и тогда можно было обнаружить расхождение между провозглашаемой в словах интернационалистской идеологией и практикой сталинизма в области национальной политики.

После смерти Ленина у борющихся за власть Троцкого и Сталина сформировались диаметрально противоположные концепции дальнейшего развития. Для Троцкого, безусловно преданного идее интернационализма, наиболее важным было наднациональное, «внешнее» единение, единение

прогрессивного авангарда всех стран в процессе «мировой революции». Сталин же был склонен к «внутренней» консолидации народа в процессе строительства социализма в одной стране.

Воплощение получила сталинская модель социализма. И по мере реали-

ственные. Впоследствии это привело к господствующему представлению о единственности социализма. Это же определило на десятилетия отношения СССР с другими странами, строившими социализм, определило беспощадное подавление любых попыток

Феофан Прокопович отделил понятие «государство» от понятия «государь». «Иерархия, существовавшая в русской средневековой идее государства: царь служит Богу — народ служит царю, сменилась новым соотношением: и царь, и подданные служат Отечеству, общему благу государства».

зации становилось ясно, что лозунги интернационализма неадекватны этой модели, они не срабатывают. Вспомним обращение М. Рютина к коммунистам еще в 1930 году: «Вера масс в дело социализма подорвана, их готовность самоотверженно защищать пролетарскую революцию от всех врагов с каждым годом ослабевает». В преддверии ожидаемой войны возникло опасение, что крестьяне не пойдут защищать социализм, который строится на их костях, впрочем, и новый рабочий класс, рекрутируемый из крестьян, в этом смысле был ненадежен.

Понимая это, отказавшийся от идеи мировой революции Сталин решил эксплуатировать столь близкую крестьянству патриотическую идею. Нужно было подвести идеологическую базу под реальный сталинский социализм. Патриотизм, национальная традиция стали той ценностью, которая эффективно цементировала сталинский режим, укрепляя мощь его власти.

Объективной основой замены интернационализма на патриотизм были исторические условия: государственные границы СССР совпадали тогда с границами социализма как общественного строя. Национально-территориальный фетишизм социализма, строящегося в одной стране, приобрел прочность народного предрассудка в виде идеологического стереотипа, что социализм и СССР суть понятия тож-

воплощения идеи о различных моделях социализма.

Новая идеологема, новые символы требовали новых мифов. Следовало срочно переписать историю (что стало впоследствии делом привычным) в духе патриотизма. Как известно, в исторической науке в 1920-е годы господствовала школа Михаила Покровского. Написанный им курс скорее можно было бы назвать курсом истории «классовой борьбы и революции». Для утверждения другой истории необходимо было покончить, в первую очередь, с исторической школой, насквозь

Отказавшийся от идеи мировой революции Сталин решил эксплуатировать столь близкую крестьянству патриотическую идею.

пронизанной идеями интернационализма. Сам Покровский успел умереть своей смертью в 1932 году. И тут же началась борьба с его «ересью». Сталин дает указание Бухарину и Радеку писать разгромные статьи на эту тему. Критика ошибок Покровского позволила заодно выплеснуть и все те марксистские положения, которые не укладывались в сталинскую концепцию. В августе 1934 года написаны «Замечания товарищей Сталина, Кирова

и Жданова по поводу конспекта учебника по «Истории СССР», которые были опубликованы в январе 1936 года. «Правда», главная газета страны, критикует Покровского за то, что он недооценивал значение духовных факторов в историческом развитии России.

В «новой» истории акцент перемещается на величие минувшего, на воспевание деяний отцов и дедов. При этом само восстание сыновей против отцов отошло на задний план, критика прошлого с позиций борьбы трудящихся против эксплуатации существенно ослабла. Борцов с царизмом, вождей крестьянских восстаний, в том числе и национальных, потеснили новые герои — символы державной мощи: Петр I, Иван Грозный, Александр Невский, Суворов, Кутузов. О них создаются грандиозные эпопеи в литературе и кино. Во время войны утверждаются ордена, носящие имена великих полководцев прошлого. Позитивно оценивается имперская царская политика, проводимая руками этих полководцев. Присоединение новых территорий обосновывается теорией «наименьшего зла», а позже и вовсе интерпретируется как желанный переход народов под охрану могучей России, как толчок их ускоренному развитию.

Русский философ Г.П. Федотов, откликаясь в конце 1930-х годов на появление нового советского школьного учебника истории, пишет: «Достаточно ясно, какой характер носит сталинский национализм. В истории России он приемлет ее экспансию, оставляя совершенно чуждым внутреннему содержанию русской культуры. Только это и отличает его от традиционного черносотенства, в которое он сплел и рядом скатывается. Против аристократической свободы (Новгород) демократическое самодержавие (Грозный и Пугачев) — такова политическая установка Сталина».

1934 год — год возрождения понятий «отчизна», «советская родина», «Россия», «матушка-Русь». Слово «дина» впервые употреблено Сталиным в приветственной телеграмме леткам-челюскинцам: «Рады, что в

оказались достойными сынами нашей великой родины». Позже в «Вопросах ленинизма» Сталин выдвигает требование «развивать и культивировать советский патриотизм» (недавние аналогичные требования Путина выглядят плагиатом).

А средства массовой информации уже были готовы формировать соответствующее общественное мнение. В «Известиях» того времени появляется такая, например, фраза, которая впоследствии становится общим местом: «Любить родину, знать ее историю — *обязанность* каждого советского гражданина». Так появляется и новая обязанность. (Интересно, что более полувека спустя Валентин Распутин публикует одну из ставших программными статей русского национализма под названием: «Патриотизм — это не право, а обязанность».) О любви к родине говорят, слагают стихи, она воспета в народных песнях. В условиях сталинской национальной политики, в феодаль-

ной социалистической империи декларируемый патриотизм неизбежно способствовал укреплению великодержавного шовинизма. Это впоследствии было закреплено в известном послевоенном тосте Сталина за «наиболее выдающуюся из всех наций, входя-

1934 год — год возрождения понятий «отчизна», «советская родина», «Россия», «матушка-Русь».

щих в состав Советского Союза», за «руководящий русский народ».

Андрей Синявский, отмечая знаменательные по стилю и лексике статьи, появившиеся в советских газетах в связи с помпезным празднованием 125-й годовщины Бородинского сражения, реконструирует неизбежно следовавший из этих статей вывод: «Рус-

ский народ, независимо от крепостного права, независимо от помещиков, независимо от царского гнета, — все равно оказывается самым великим и самым могучим народом. Значит, в истории действуют и побеждают не классовые, а национальные факторы. Значит, русский народ где-то изначально сильнее и лучше всех других народов... Интернациональные «классовые принципы» отступают перед национальным величием героев, которые становятся символами российского и советского великодержавия».

Укрепила патриотическую идеологию концентрация единства народа, декларированная в Конституции 1936 года. Ликвидируются формальные привилегии для рабочих. Вводятся всеобщие прямые и тайные выборы. Провозглашается «примирение» с интеллигенцией. Повышается внимание к беспартийным. Война формирует общенародные цели: защиту СССР от фашизма (вот ведь схлестнулись два

www.landrover.ru

LAND ROVER
3 ГОДА
ГАРАНТИИ

...И ЦЕЛОГО МИРА МАЛО

БЕСПРОЦЕНТНЫЙ КРЕДИТ

Золотой Классон
Лучший внедорожник
2004 года

ТОВАР СЕРТИФИЦИРОВАН

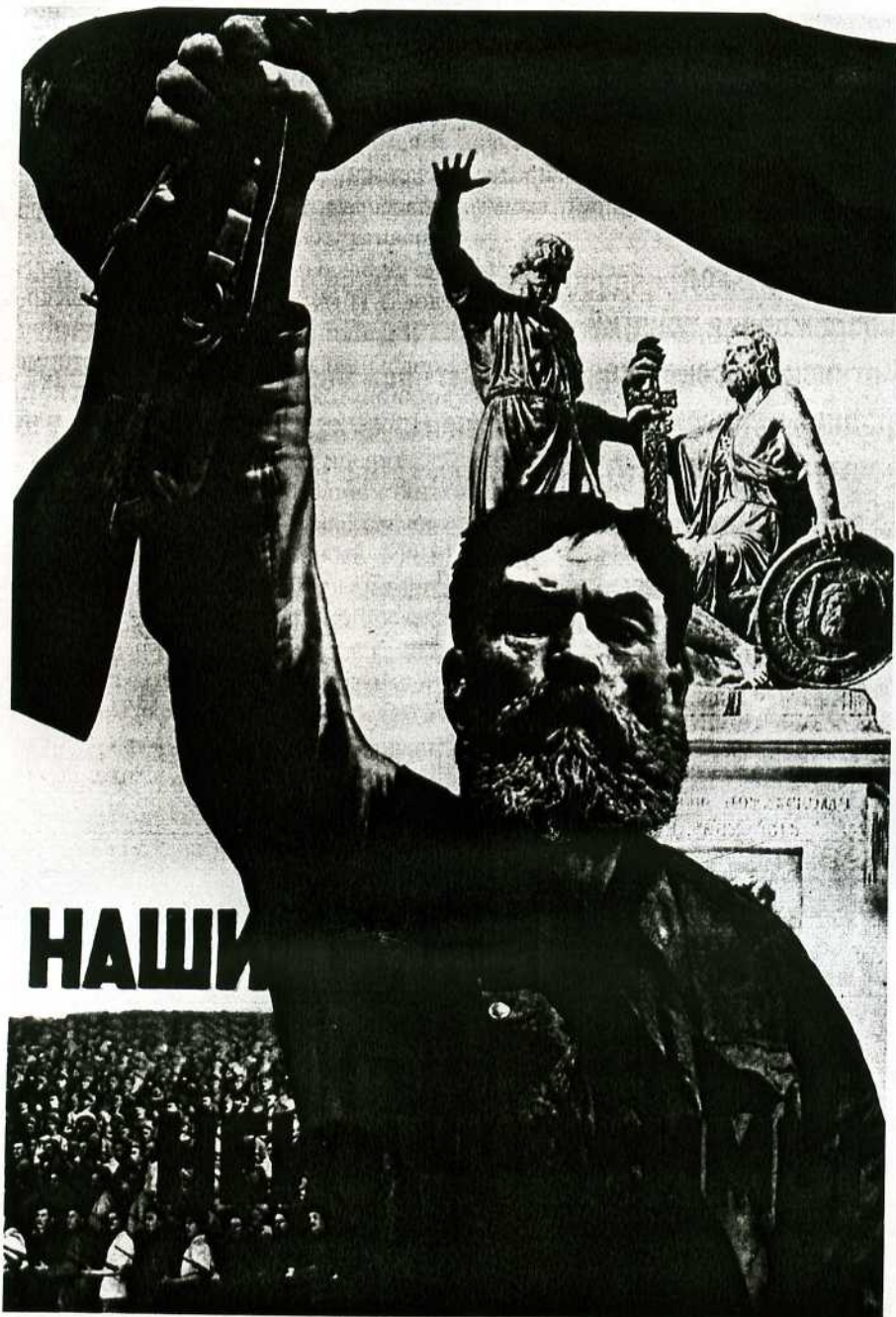
СОВЕРШЕННО НОВЫЙ DISCOVERY 3

LAND-ROVER
GO BEYOND™

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИЛЕР LAND ROVER
ЕВРОСИБ ФОРВАРД

БОРОВАЯ, 55
www.landrover.spb.ru

140-2003

патриотизма, если вспомнить слова Л. Фейхтвангера в его апологии сталинизма: «Любовь советских людей к своей родине не уступает любви фашистов к их родине!», восстановление разрушенного хозяйства, консолидацию расширившейся на западе сталинской империи. Эти цели возможно осуществить усилиями не только партии, но и всего народа, даже церкви здесь отводится своя роль. Точнее сказать, без церкви защитить сталин-

ские «коммунистические идеалы» становится уже невозможным. В 1942 году Илья Эренбург писал, что война окончательно утвердила перевес великорусского компонента в концепции советского патриотизма, что советский патриотизм — естественное продолжение русского патриотизма. Эта же идея развивалась в статье Николая Тихонова «Мы — русские».

Понятие «народ» теперь ключевое — все благодеяния совершаются

также во имя народа. Образ классового врага переходит в образ «врага народа». Патриотически-шовинистическое сознание требует каждого врага идентифицировать с каким-либо иностранным шпионом, что последовательно претворяется отнюдь не только в сталинские времена. До сих пор мы сплошь и рядом сталкиваемся с попытками объяснить всяческое инакомыслие происками зарубежных сил, влиянием Запада.

Национальное перерождение революционной идеологии лишает смысла и важнейшую ее составную часть — интернационализм. Третий Интернационал остановится тормозом в новой внешней политике. Теперь на первый план выходит общение «народов» (то есть государств). Для Сталина, как руководителя государства, отношения с Рузвельтом и Черчиллем не должны затрудняться подчеркнутой поддержкой им, как лидером партии, партий, находящихся в оппозиции в других странах. Поэтому, в частности, в 1943 году окончательно ликвидируется Коминтерн (до того физически уничтожена большая часть коминтерновцев).

1944 год страна встретила новым гимном, который заменил «Интернационал». Гимн чисто государственный, память о революции и интернационализме стерта, славится в первую очередь патриотическая армия. А слова «навек сплотила великая Русь» заодно закрепляли в сознании каждого сталинское понятие Союза ССР, понимание границы прав (то есть их отсутствие) каждого народа на самоопределение.

С интернационализмом было покончено, но лозунги его сняты не были, они лишь видоизменились. Интернационализм по Ленину — готовность своей нации идти на жертвы ради общего дела социализма. Интернационализм по Сталину — вынуждение других наций к жертвам во имя дела «Ленина-Сталина», во имя «наиболее выдающегося» и «руководящего», наиболее «социалистического» народа. Это положение и лежит в основе

